

**«Были Ирбита» И. Я. Антропова:
жанровое своеобразие текстов***

В экспедиционный сезон 2010 г. фольклорной экспедицией Уральского государственного университета была обнаружена книга местного краеведа И. Я. Антропова «Были Ирбита» (1992), представляющая собой сборник краеведческих очерков. Настоящая статья посвящена анализу жанрового своеобразия данного сборника.

Будучи директором Ирбитского историко-этнографического музея, И. Я. Антропов имел возможность вести систематическую запись воспоминаний своих земляков об Ирбитской ярмарке, одной из крупнейших в России, бывшей главным торговым центром Урала и Азиатской России, включая Сибирь, на протяжении нескольких веков.

Между тем материалы, опубликованные в книге, не представляют собой фольклорную коллекцию в чистом виде: это рассказы, подвергшиеся некоторой литературной обработке автором-собирателем. Степень этой литературной обработки нам предстоит выяснить в будущем, проведя сопоставительный анализ опубликованных текстов с черновыми записями, найденными нами в Ирбитском городском архиве. Здесь же мы анализируем то, что было представлено на суд читателей.

Подобное вмешательство в текст неудивительно: изданный в начале 90-х гг. XX в. сборник, как и большинство изданий того времени, вынужден был преследовать определенные коммерческие цели. Книгоиздание в регионах было осложнено многочисленными трудностями, требовало спонсорских вложений. Именно поэтому книги Ирбитской типографии этих лет изобилуют цветными вклейками с рекламой предприятий-меценатов, и книга И. Я. Антропова здесь не исключение.

Однако то, что эти материалы увидели свет и стали доступны не только массовому читателю, но и исследователям, пусть даже в обработке, — большая удача. Некоторый же налет литературности, внесенный составителем, как мы показали выше, вполне можно понять, объяснить и отделить путем анализа.

* Работа выполнена под руководством канд. филол. наук, доц. кафедры фольклора и древней литературы УрФУ В. А. Липатова.

Большинство текстов сборника не соответствуют фольклорным критериям, предложенным С. Н. Азбелевым почти полвека назад:

1) не являются видом личного повествовательного словесного творчества;

2) бытуют самостоятельно, уже «оторвавшись» от своего создателя и очевидцев описываемых событий;

3) освоены коллективом, обладают повторяемостью и наслоениями, возникающими в результате взаимодействия между исполнителем и средой слушателей;

4) представляют «общественный интерес», выражая те или иные стороны идеологии и психологии некой совокупности людей;

5) имеют устойчивую форму, будучи записанными от человека, не бывшего участником событий [1].

Напротив, значительную часть текстов сборника составляют рассказы непосредственных участников и очевидцев событий: «Стою я у Сибирского подворья, выходит один и говорит...»; «В ярмарку наплыв “гостей”, вот и *меня* пригласили, третьей горничной...»; «Отец взял *меня* на “ярмонку”» [3, с. 60, 61, 73]. Соответственно, такой текст не может иметь широкого бытования в традиционном смысле.

Однако нельзя не отметить, что эти материалы представляют безусловный «общественный интерес». Жизнь всех сословий Ирбита и окрестностей высвечена сквозь призму ярмарки. Никто не мог от нее отгородиться — она полосой проходила через каждого, о чем и свидетельствуют собранные «были».

Хотя судить о начальной фольклорности/нефольклорности текстов сборника на данном этапе исследования было бы преждевременно, можно с уверенностью говорить о пограничном характере представленных в книге материалов. Впрочем, принадлежность их к народной прозе нам кажется достаточно обоснованной.

Русская народная проза, согласно суждениям В. Я. Проппа [8] и К. В. Чистова [10], делится на две части — группу жанров с отчетливо выраженной эстетической функцией и группу жанров, в которых первостепенную роль играет какая-либо внеэстетическая функция.

Произведения второй группы рассказчиками и слушателями обычно не воспринимаются как художественные. Они служат практической цели передачи исторических, бытовых и других сведений или новостей. Ко всему прочему, эта группа теснейшим образом переплетается с прозой нехудожественной, деловой, обыденной.

В «Былях Ирбита» мы находим прозу, бесспорно, несказочного характера. Действительность изображаемых событий не подлежит сомнению, поскольку мы располагаем ссылками на газетные и архивные источники, подтверждающие их подлинность [3, с. 179]. Мы находим здесь отчетливо выраженную внеэстетическую информационную функцию, а местами повествование становится даже по-деловому описательным и предельно конкретным (например, в главах «Немного географии» [Там же, с. 40], «А искомое подчас рядом» [Там же, с. 27] и др.).

Вместе с тем в подавляющей части включенных в сборник произведений уже в самом рассказе информантов присутствует эстетическое начало как выражение «предметности, данной как самодовлеющая созерцательная ценность и обработанной как сгусток общественно-исторических отношений» [7, с. 223]. Рассказчик, например, бессознательно старается оправдать занятие своей героини проституцией [3, с. 128] или описывает по сути безнравственную купеческую выходку как лихой кураж [Там же, с. 81].

Кроме того, в открывающих сборник главах преобладает объяснительная функция, здесь явно угадывается жанр преданий. Вопросы «как?» и «почему?», лежащие в основе жанра, поданы в материалах прямым текстом: «На реке Ирбее вырос город Ирбит. *Кто* дал ему имя? *Что* оно означает? У истории нет ответа. Люди строят догадки...» [Там же, с. 11]; «До сих пор на огородах в селе Рудное изгарина выкапывается. И место то до сих пор заводом зовется. *А почему?*...» [Там же, с. 3].

В сборнике представлены обе традиционно выделяемые тематические группы преданий — исторические и топонимические. К историческим относятся предание о появлении золотой руды «Нежданно-негаданно», предание об основании Ирбеевской слободы «В день первый» и «Сказание о пушнине сибирской». Топонимические предания приведены в главе с говорящим названием «Как самое слово Ирбит родилось, и селение Ирбит назвалось, и почему в нем ярмарка утвердилась».

Любопытно отметить несколько фактов встречающейся в тексте народной терминологии. Например, предание о пушнине названо «сказанием», что, впрочем, может быть объяснено словами К. В. Чистова: «...предания героического характера можно было бы отмечать термином сказания» [10, с. 50]. Кроме того, рассказчик также именуется эту историю «бывальщиной» [3, с. 24] — и вновь не строго терминологически, а лишь с целью подчеркнуть достоверность событий, о которых повествуется. Предание об основании слободы схожим образом названо

повествователем «былиной» [3, с. 6], а топонимическое предание — «легендой» [Там же, с. 11], под влиянием, видимо, эпического характера жанра.

В остальных главах сборника доминирует собственно информационная функция; в сочетании с формой мемуарного рассказа эти материалы определяются как мемораты.

Наименование «меморат» в международной фольклористике получили «устные рассказы, в которых переданы личные воспоминания рассказчика о событиях, участником или очевидцем которых он был» [6, с. 93], а таковых в сборнике большинство. Однако поскольку в отечественной науке на настоящий момент не сформировано единой терминологии и классификации жанров несказочной прозы, то нет также и единого мнения, что считать меморатом и какие произведения относить к этому жанру.

Большинство исследователей, среди которых А. В. Гончарова и Л. Г. Бараг, описывают меморат как один из видов устного рассказа [4, 5]; часть, как К. В. Чистов, называет его сказом [10]; порой, как у В. Ю. Крупянской и С. И. Минц, между устным рассказом и сказом ставится знак равенства [9]; иногда, напротив, по примеру В. П. Аникина, четко разделяются сказ и меморат [2]; кто-то, как С. Н. Азбелев, считает его природу периферийной, полуфольклорной [1]; наконец, есть авторы, придерживающиеся точки зрения Ю. М. Шеваренковой, которая считает меморат лишь формой бытования текста [11].

Путем сопоставительного анализа вышеизложенных теоретических положений и живых материалов сборника мы пришли к выводу, что упомянутые исследователи рассуждают об одном и том же факте фольклора — жанре мемората — но, ввиду многообразия материала, рассматривают его в различных ракурсах и, соответственно, присваивают ему разный статус.

Данное явление, по-видимому, можно объяснить тем, что материал достаточно многообразен, и каждый исследователь сталкивается с отдельным практическим примером бытования жанра.

Подводя итог сказанному, мы делаем вывод, что ядро сборника составляют принадлежащие народной прозе тексты преданий и меморатов. Определение же степени их литературной обработки и точного места в системе фольклора, как было упомянуто выше, требует отдельного исследования.

-
1. *Азбелев С. Н.* Современные устные рассказы // Русский фольклор: проблемы современного народного творчества. М., 1964. Т. 9. С. 133–177.
 2. *Аникин В. П.* Художественное творчество в жанрах несказочной прозы // Русский фольклор. Л., 1972. Т. 13 : Русская народная проза. С. 8–37.
 3. *Антропов И. Я.* Были Ирбита. Ирбит, 1992.
 4. *Бараг Л. Г.* Об устных рассказах, записанных в последние годы // Русский фольклор. Т. 13. С. 139–147.
 5. *Гончарова А. В.* Устные рассказы Великой Отечественной войны // Там же. С. 122–138.
 6. *Зуева Т. В.* Меморат // Русский фольклор : словарь-справочник : кн. для учителя. М., 2002.
 7. *Лосев А. Ф.* Две необходимые предпосылки для построения истории эстетики до возникновения эстетики в качестве самостоятельной дисциплины // Эстетика и жизнь. М., 1979. Вып. 6. С. 221–238.
 8. *Пропп В. Я.* Принципы классификации фольклорных жанров // Фольклор и действительность : избр. ст. М., 1976. С. 34–54.
 9. Русское народное поэтическое творчество : пособие для вузов. М., 1956.
 10. *Чистов К. В.* К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы // Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005.
 11. *Шеваренкова Ю. М.* Легенды-былички как жанровая разновидность фольклорной легенды // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2003. № 1. С. 52–57.

Т. О. Санникова

г. Воткинск

Деревянное зодчество в русском фольклоре Удмуртии

Фольклор, как и в целом сфера искусства, отражает окружающий мир, его особенности, устремления, проблемы, горести и радости. Территория современной Удмуртии на протяжении многих веков, и особенно интенсивно с XVII по XIX в., осваивалась русскими переселенцами, стремящимися сохранить общественные устои, традиции, собственную